

ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.И. Муравьева (Томск)

*Исследование проведено при поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы
(2009–2010 гг.)», проект № 2.2.2.4/6926*

Аннотация. В результате теоретического анализа выделяются эмпирические признаки транскоммуникации и инновационной деятельности и обнаруживается принципиальное совпадение этих признаков, что позволило автору сделать вывод о том, что транскоммуникация является онтологическим основанием инновационной деятельности.

Ключевые слова: коммуникация; транскоммуникация; инновация; инновационная деятельность; способ жизни человека.

Результаты социологических исследований [5, 12, 17 и др.], посвященных анализу требований, которые предъявляются к современному выпускнику, позволяют выдвинуть тезис о том, что коммуникативная компетентность становится одной из главных компетенций, необходимых высококвалифицированному специалисту в любой профессиональной сфере. В свою очередь, высокая квалификация сегодня с необходимостью означает в том числе и умение осуществлять инновационную деятельность. Это подводит нас к следующему вопросу: любая ли коммуникация релевантна инновационной деятельности? Ответ очевиден – нет, не любая, но лишь обладающая определенной спецификой.

Для того чтобы определить эту специфику, воспользуемся тем мощным эвристическим потенциалом, который заключен в идее транспективного анализа [9]. «Транспективный – значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития» [9. С. 34]. Обратимся к тенденциям становления научных психологических исследований коммуникации. Пожалуй, одним из первых, кто сконцентрировался на проблеме коммуникации как отдельной, самостоятельной социально-психологической проблеме, был Т. Шибутани [22], работавший в рамках такого направления социальной психологии, как социальный интеракционизм. Это произошло в середине прошлого века. Содержательный фокус этих исследований отражен в самом названии – интеракционизм. Т. Шибутани сосредоточивается на изучении социального взаимодействия, а коммуникация понимается им как процесс организации согласованного действия. Если теперь вычленим тот доминирующий ракурс, в котором решалась проблема эффективной коммуникации (которая, в свою очередь, легко может быть переформулирована в проблему коммуникативной компетентности [13]), то можно увидеть, что эта эффективность, по Т. Шибутани, обеспечивается, прежде всего, нормативностью и комплементарностью (взаимодополнительностью, взаимосогласованностью) социально-ролевых позиций участников этого процесса, а также используемых ими средств общения (вербальных и невербальных). То есть фактически

в этой научной школе изучались закономерности того, что сейчас называют формально-ролевым общением.

Вторая четверть XX в. характеризуется переносом интереса социальных психологов с интерактивной стороны общения на информационную, а коммуникация понимается теперь преимущественно как процесс передачи информации. Американская социальная психология, опираясь на известную «пятичленку» Г. Лассуэла – «кто говорит, кому говорит, что говорит, как говорит, зачем говорит», начинает бурные эмпирические исследования факторов эффективной коммуникации, понимаемой, прежде всего, как *убеждающая* коммуникация [11]. Что обращает на себя внимание в этих исследованиях? Изучались лишь первые четыре составляющие «пятичленки» Г. Лассуэла, тогда как пятая составляющая – «зачем говорит» – даже не обсуждалась, так как ответ был очевиден – для убеждения. То есть фактически психология открыла и сформулировала механизмы эффективной не столько коммуникации, сколько манипуляции сознанием и поведением людей. Апофеозом этих исследований явилась знаменитая книга Д. Карнеги, где сформулированы самые изощренные принципы и способы манипулятивного убеждения.

Последняя четверть XX в. знаменуется появлением не менее известной, но уже «в узких кругах», книги Э. Шострома «Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор» [24], которая манифестировала недопустимость и неэффективность отношения к человеку как к объекту манипуляции и «возвращала» гуманистическое отношение к человеку в социальную психологию. В отечественной социальной психологии также фиксируется ущербность и ограниченность объектного отношения к человеку и делаются попытки преодолеть эту ограниченность. Так, Г.М. Андреева [1] настаивает на разведении понятий «коммуникация» и «общение», утверждая, что понятие «коммуникация» фиксирует лишь одну сторону реального процесса человеческого общения – информационную. Помимо этой стороны общения, она предлагает выделять интерактивную и перцептивную стороны. А.У. Хараш [25] вводит различие двух типов общения – субъект-объектное и субъект-субъектное, в

основе которого лежит диаметрально противоположное отношение к партнеру – или как к объекту (т.е. вещное), или как к субъекту (т.е. ценностное). Главное эвристическое значение этой типологии состоит в том, что в область социально-психологических исследований коммуникации вводится ценностно-смысловой аспект. Именно этот аспект начинает постепенно «приобретать» системообразующее значение – речь идет, конечно же, о научном исследовании, а не о реальном процессе коммуникации, в которой этот аспект всегда имел именно такое значение. Синхронные процессы наблюдаются и в зарубежной психологии. Американские психологи П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон [4], изучая патологическую коммуникацию, обнаруживают, что, оставаясь в рамках понимания коммуникации как обмена информацией, невозможно разрешать межличностные конфликты, необходимо трансцендировать, выйти за рамки, перейти в другое пространство: из «пространства» информации в «пространство» отношений. Для фиксации этой закономерности авторы вводят понятие метакommunikации, тем самым также констатируя в качестве основного аспекта коммуникации ценностно-смысловой. Параллельно с этим направлением активно начинают изучаться экзистенциальные аспекты общения [2, 3, 14]. Опираясь в основном на идеи российских и европейских философских диалогических концепций М.М. Бахтина, М. Бубера, Г.С. Батищева, А. Швейцера, а также «экзистенциальных» психологов Э. Фромма и В. Франкла, психологи развивают представления о глубинном общении как диалоге, его функциональных особенностях и характеристиках. Эти исследования также приводят к пониманию того, что определяющим фактором коммуникации является фактор отношения.

Одним из главных методологических следствий этих тенденций явилось то, что понятие коммуникации «превратилось» в междисциплинарное психологическое понятие, т.е. стало категорией не только социальной, но и общей, и педагогической, и клинической, и т.п. психологий, что и было зафиксировано в известной монографии Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии», опубликованной в 1984 г. В ней обосновывается введение категории общения в общепсихологический контекст: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» [10. С. 248].

И наконец, можно зафиксировать последний к настоящему времени этап развития научных представлений о коммуникации, который связан с постмодернистскими подходами на Западе и со становлением и утверждением антропологического подхода в отечественной психологии. В исследованиях последнего десятилетия положение о том, что коммуникация является базовым процессом, конституирующим само существование че-

ловека, получает уже свою «постоянную прописку». К. Герген [26], формулируя так называемую «социорационалистическую метатеорию», постулирует, что в отличие от традиционной теории, она исходит из того, что не процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. «Рациональность порождается именно внутри процесса социального обмена» [26. С. 197]. Этот же подход реализуется и в исследовании эмоций. Сами эмоции объявляются социальными отношениями, и утверждается их фактическая социальная детерминация. «Перефразируя знаменитую формулу У. Джемса «Я плачу не потому, что мне грустно, а мне грустно, потому что я плачу», конструктивист утверждает: «Я злюсь не потому, что обижен несправедливо, а потому, что этот поступок я определил на известном мне языке как несправедливый» [23. С. 361]. Эти положения образуют то, что К. Герген называет «эпистемологией», претендующей на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К. Гегена, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую») в «Communicamus, ergo sum» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

В российских исследованиях последних лет высказывается та же идея. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут: «...общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой» [19. С. 15]. В другой концепции, также основанной на методологических принципах антропологического подхода, теории психологических систем В.Е. Ключко, человек понимается как открытая, самоорганизующаяся психологическая система, подчиняющаяся принципу системной детерминации. Центральным объяснительным понятием этой теории является понятие ментального (трансубъективного) пространства, возникающего в результате *взаимодействия* человека с миром: «...во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная... Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности» [9. С. 92]. Здесь надо отметить следующее. Несмотря на то, что в теоретических изысканиях вышеназванных авторов коммуникация не является прямым предметом их исследований (в качестве такового у В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева выступает субъективная реальность, у В.Е. Ключко – ментальное, или трансубъективное пространство), но тем не менее явно и однозначно постулируется, что именно коммуникация (какими бы терминами она не обознача-

лась: «общительность, общность» – в первом случае, «взаимодействие» – во втором) есть процесс, в котором «возникает» [19], «порождается» [9] психологическая реальность человека.

В коммуникативном подходе В.И. Кабрина [8], еще одной концепции в рамках антропологической психологии, этот тезис уже становится основополагающим методологическим положением, а коммуникация – непосредственным предметом исследований. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширяются по сравнению с теми же понятиями в традиционной психологии. Выявляя сущностные основания жизни, В.И. Кабрин опирается на идею К.Р. Роджерса о том, что *«жизнь есть постоянное самоперерастание, самопреодоление себя прежнего, ежемоментное пере-живание со-бытий и самого себя до неузнаваемости, при сохранении сути себя»* [8. С. 53]. Учитывая эти признаки жизненного процесса как развития, как *«пере-живания многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий»* [8. С. 54], автор вводит понятие транскомуникации. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [8. С. 54].

Подводя итог представленной краткой ретроспективе исследований коммуникации в психологии, можно сформулировать следующие основные выводы. Первый – научное изучение коммуникации подчиняется общим тенденциям развития психологического знания, а именно тенденциям гуманизации, гуманитаризации и онтологизации [9]. Второй – происходит изменение места коммуникации в категориальном строе психологии: если раньше в качестве единицы анализа в психологии выступала деятельность, то сейчас ее постепенно начинает вытеснять коммуникация. Третий – современная психология формулирует тезис о том, что реальное *человеческое* общение (т.е. такое общение, в котором человек объективирует и проявляет себя в своей сущностной *человеческой* ипостаси) осуществляется как транскомуникация. И наконец, четвертый вывод – психология, как всегда¹, осталась верна себе и чутко отреагировала на объективный социальный заказ (явно сформулированный на Западе или неявно выраженный у нас в стране), предложив концепцию транскомуникации, которая отвечает современным реалиям жизни человека и общества. Все это дает основание выдвинуть конкретную гипотезу в ответ на вопрос о том, какая коммуникация, какое взаимодействие является онтологическим основанием инновационной деятельности. Можно пред-

положить, что в качестве такового выступает транскомуникация.

Проанализируем, подтверждается ли эта гипотеза на уровне теоретических положений теории транскомуникации. Для этого выделим признаки транскомуникации и сравним их с признаками инновационной деятельности. На основе представленной выше дефиниции транскомуникации дифференцируем и конкретизируем феноменологические и функциональные признаки транскомуникации.

1. *«Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми субъектами...»* В этом положении подчеркивается ценностное отношение субъекта коммуникации к партнеру и самому себе, открытость и реалистичность восприятия партнера, открытость и аутентичность собственного Я и собственной позиции. Следствием этого является обмен информацией, не ограниченный и не искаженный ожиданиями и стереотипами какого-либо рода (профессиональными, ролевыми, статусными, личностными, ситуативными и т.д.).

2. *«...и разнорядковыми субъектами...»* Это означает, что, субъект включен в коммуникацию с партнерами «разного порядка»: 1) с людьми разного возраста, профессии, статуса, гражданской и национальной принадлежности, личностного типа и т.д.; 2) различными социальными группами; 3) культурными образцами, оформленными в виде текстов научных, художественных или иных произведений; 4) произведениями искусства; 5) природой; 6) традицией; 7) Богом и т.д.

3. *«...в интра- и интерперсональных планах...»* Этот признак указывает на то, что общение происходит не только с внешними партнерами, но и во внутреннем, аутокоммуникативном плане, т.е. востребованными и актуализированными оказываются процессы рефлексии и саморефлексии, внутренний диалог.

4. *«...это сверхдинамичный процесс...»* В такой коммуникации уплотняется время. События, действия, мысли, идеи, эмоции стремительно сменяют друг друга. Такое общение предполагает и гибкую смену коммуникативных позиций, центральных, тем и т.д.

5. *«...смыслообразующий процесс...»* Результатом транскомуникации является порождение смыслов.

6. *«...процесс гармонизации разноразноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса».* Этот признак указывает на то, что транскомуникативная динамика продвигает человека по пути индивидуации, т.е. актуализируются процессы дифференциации и интеграции. Субъективно отражаемым результатом этого являются позитивные эмоции, переживание удовлетворения и, как правило, эмоционального подъема, несмотря даже на то, что в самом процессе коммуникации могут возникать самые разные, в том числе и негативные, эмоции.

¹ Достаточно вспомнить историю «появления» инстинкта агрессии в психоанализе З. Фрейда.

Перейдем к рассмотрению понятий «инновация» и «инновационная деятельность». Анализируя различные определения инновации в технической или экономической сферах [6, 7, 18, 21], можно выделить следующие основные признаки: инновация – это не просто создание чего-либо нового, но это обязательно внедрение, использование этого нового, «преобразование новшества в продукцию», причем всегда прибыльное использование, «введение нового продукта на рынок». Если не выходить за рамки технико-экономической научной предметности, то это определение, несомненно, является исчерпывающим. Однако человек, не отягощенный жесткими методологическими рамками науки, но владеющий самыми элементарными навыками логического анализа и обобщения, естественным образом задаст недоумевающий вопрос: а «где же» в этом определении тот самый *субъект*, который творит нечто новое и прибыльно это новое использует? И как только этот вопрос возникает, становится очевидным, что проблема инновации из плоскости технической и экономической переходит в плоскость психологическую и, может быть, шире – философскую, социологическую и т.п.

Надо отметить, что этот вопрос в известной степени при всей его очевидной логической обоснованности до недавнего времени не мог быть обоснован практически (по крайней мере, у нас в стране), так как инновационность представлялась скорее эпифеноменом какой-либо профессиональной деятельности, таким желательным (а впрочем, зачастую даже нежелательным), но необязательным качеством или компонентом. Но поскольку творчество и объективация себя в актах и продуктах творения, по мнению очень большого числа исследователей (Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, А. Маслоу, К.Р. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм и др.), является сущностной характеристикой человека, способом его существования, то люди, следуя своей природе, не могли не производить (хотя бы некоторые, хотя бы иногда) то, что сейчас называют инновациями. Наука же не полагала эту реальность предметом своего исследования, за исключением не очень многочисленных исследований в области психологии, причем проблема формулировалась в терминах творчества или креативности скорее как некоторых внутренних психологических характеристик человека, но не характеристик его деятельности. Фактически лишь подступив к этим проблемам, сама психология ограничивалась крайне абстрактным (плохо операционализированным) указанием на то, что творчество (творение, созидание) хотя и является базовой экзистенциальной потребностью человека (Э. Фромм), однако как психологическая характеристика свойственно лишь людям, достигшим определенно-

го уровня личностной зрелости – уровня самоактуализации (А. Маслоу) или полноценного функционирования (К.Р. Роджерс). Такое положение дел в научной психологии привело к целому ряду как позитивных², так и, к сожалению, негативных последствий не столько в самой психологии, сколько в прикладных областях. Те области социальной практики (такие как педагогика, менеджмент и т.д.), для которых психология является одной из фундаментальных научных дисциплин, вполне признали практическую ценность тезиса о том, что способность творить свойственна человеческой *природе*, но актуализация и объективация этой способности происходят отнюдь не всегда. Встречаясь же с непроработанностью, неоперационализированностью этого положения в самой психологии, представители прикладных областей вынуждены были сами что-то «с этим» делать. Но то, что они «с этим» делают, к сожалению, адекватно выражается лишь формулой: «Это было бы смешно, если бы не было так грустно». Так, например, традиционная педагогическая практика фактически свелась к «демагогическим заклинаниям» о том, что надо «воспитывать, формировать» творческую личность.

Второе направление исследований, сопрягающихся по тематике, осуществлялось в контексте проблемы одаренности и уровня развития интеллекта [16]. Характерной особенностью этих исследований было то, что они осуществлялись в рамках двухфакторной модели (наследственности и среды), и это несмотря на то, что еще в 60–70-х гг. прошлого века А.Н. Леонтьев обосновал несостоятельность этой парадигмальной схемы. Однако адекватные методологические и теоретические «инструменты» в то время еще не были созданы. И сам А.Н. Леонтьев, и большинство его последователей сосредоточивались на изучении структурных и типологических аспектов деятельности, тогда как экзистенциальные, феноменологические и процессуальные аспекты ждали своего часа. Этот час настал в начале XXI в. и увенчался оформлением новой методологии – антропологического подхода в психологии, который в качестве своего предмета взял самого *человека* (а не отдельные его психологические свойства, структуры, функции), сосредоточившись на проблеме *способа* его существования. Можно сказать, что психология наконец-то методологически созрела для реализации положения, которое уже давно сформулировано в обыденном сознании – продуктивность человека определяется «на 9% способностями и на 90% – *трудом*». Наука задалась вопросом: *каков этот труд?*

Один из вариантов ответа на этот вопрос предлагается в «стратегии гуманитарного исследования образовательных инноваций», сформулированной Г.Н. Позумен-

² Одним из безусловно позитивных моментов является фальсификация таких «объяснительных конструкторов», как выделение из всего спектра профессий крайне малочисленной группы так называемых творческих профессий, работать в которых могут особые люди, обладающие талантом, харизмой, Божьим даром. Такое антидемократическое по своей сути утверждение, делящее всех на людей первого и второго сорта, не оставляло для большинства другого выбора, кроме как влачить примитивное, рутинное существование.

товой. Исходными тезисами для построения этой стратегии является выделение М. Хайдеггером двух способов жизни – «собственного» и «несобственного», а также его положение о том, что «понять образование и становление человека можно только изучая место и способ его личного присутствия в мире, т.е. исследуя Dasein человека, его бытие-в-мире. При этом человеку необходимо понять и тот «несобственный» способ жизни, из которого он вырастает, и переход от «несобственного» к «собственному» способу жизни, и, конечно, сам этот «собственный» способ» [15. С. 82]. Пытаясь обозначить характеристики «собственного» и «несобственного» способов жизни и опираясь при этом на исследования Э. Гуссерля, М.К. Мамардашвили, В. Франкла, М. Фуко, Г.П. Щедровицкого и др., Г.Н. Прокументова обобщает экзистенциально-феноменологические признаки «собственного» способа жизни. Это «преодоление нормативности», «своего тождества с миром», а значит, это «смысловой скачок из повседневности», необходимым условием которого являются «проработка, расшифровка, истолкование впечатлений» и «материализация бестелесного, появление идеальных форм жизни, т.е. личного смысла события». Такой «скачок из повседневности» неизбежно сопровождается «эмоциональным, интеллектуальным, коммуникативным, рефлексивным, деятельностным, смысловым напряжением», когда человек совершает «нечеловеческие» (М.К. Мамардашвили) усилия для того, чтобы «вырвать себя у себя» (М. Фуко) [15. С. 75–76].

Делая следующий шаг по пути «восхождения от абстрактного к конкретному», попробуем понять, что происходит с ментальным (трансубъективным) пространством (В.Е. Клочко) человека, когда он прерывает свое «тождество с миром». Мир – идеи, предметы, другие люди, сам человек – в своих застывших, анонимных формах «разрушается», «приобретая» качества неопре-

деленности, инаковости, ценностности и динамичности. Именно поэтому только сейчас становится возможным настоящее взаимодействие (а не воздействие и манипуляция или же, наоборот, адаптация и реагирование) человека с Миром. «Переживая», «прорабатывая» (М.К. Мамардашвили) и рефлексирова этот инаковый, неопределенный Мир, человек и должен *определить* его. Это определение происходит как рождение принципиально новых, а значит, творческих, инновационных значений, смыслов, ценностей, т.е. тех самых сверхчувственных системных качеств, появление которых свидетельствует о «материализации бестелесного» (М. Фуко), «становлении ментального (трансубъективного) пространства человека» (В.Е. Клочко). Значит, делает общий вывод Г.Н. Прокументова, «собственный» способ жизни человека есть «особая *связь* человека с миром» (курсив мой. – О.М.). Но если это так, то «собственный» способ жизни по своей природе коммуникативен.

При сравнении же феноменологических признаков «собственного» способа жизни (мир «приобретает» качества неопределенности, инаковости, ценностности и динамичности) с признаками, при помощи которых В.И. Кабрин определяет понятие транскомуникации («это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса»), легко усматриваются прямые совпадения. Таким образом, теоретический анализ проблемы инновационной деятельности как проблемы психологической (а не экономической) приводит нас к констатации того, что инновации порождаются субъектом, реализующим особый, «собственный способ жизни», осуществляющийся как процесс транскомуникации.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. 415 с.
2. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201–222.
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.
4. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Питер, 2000. 299 с.
5. Иванов Д.Л., Митрофанов А.Л., Соколова О.В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментари: Учеб.-метод. пособие. М.: АПК и ПРО, 2003. 101 с.
6. Инновационная деятельность: Основные термины. Режим доступа: <http://www.sci-innov.ru/docs/104/>
7. Инновационный процесс в странах развитого капитализма (методы, формы, механизм) / Под ред. И.Е. Рудаковой. М.: Изд-во МГУ, 1991.
8. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
9. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
11. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1998. 688 с.
12. Макарова М.Н. Факторы и механизмы взаимосвязи профессионального образования и рынка труда (на примере Удмуртской Республики) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 3. С. 106–122.
13. Муравьева О.И. Коммуникативная компетентность как проблема общей психологии // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14–15. С. 26–41.
14. Муравьева О.И. Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности. Томск: Томский государственный университет, 2003. 118 с.

15. *Переход к открытому образовательному пространству. Ч. 1: Феноменология образовательных инноваций* / Под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 484 с.
16. *Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека* / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1988. 336 с.
17. Рыкун А.Ю., Южанинов К.М., Матулис В.В., Мухин Л.Н. Региональная система высшего образования и рынок труда. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 166 с.
18. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: Пер. с венг. М.: Прогресс, 1990.
19. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3–17.
20. Современная психология мотивации: Сб. ст. / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 342 с.
21. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989.
22. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Наука, 1969. 595 с.
23. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН КПСС+Академический проект, 1999. 448 с.
24. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор. Минск, 1992. 128 с.
25. Хараи А.У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъектного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения. М., 1979. С. 30–41.
26. Gergen K. Realities and relationships: Soundings in social construction. Harward: University Press, 1994.

TRANSCOMMUNICATION AS AN ONTOLOGICAL BASIS OF INNOVATION ACTIVITY

Muravyova O.I. (Tomsk)

Summary. In the article the empirical features of transcommunication and innovation activity are distinguished as a result of theoretical analysis and their fundamental coincidence is discovered. It made possible for the author to draw a conclusion about transcommunication as an ontological basis of innovation activity.

Key words: communication; transcommunacation; innovation; innovation activity; mode of man's life.